

Фото Николая Симонюкского

Александр Кушнер

«Прочти, прислушавшись...»

Необыкновенно приятно думать, что я пишу эту заметку ровно в тот день, когда нашему дорогому поэту исполнилось 80 лет. Удивительно понимать, что когда вышло в свет его «Первое впечатление» (1962) — а именно этим сборником открывается перечень из пяти десятков поэтических книг Александра Кушнера — ни пишущего эти строки, ни большинства сотрудников журнала «Фома» ещё не было на свете. Мы еще не родились, а его поэзия уже была, она уже сближала людей, уже обогащала собою нашу речь, уже влюбляла в себя и помогала влюбляться.

Радостно предсказать, что множество людей окликнут нынче друг друга его стихами. И я догадываюсь, что знаменитое «времена не выбирают, в них живут и умирают», — будут в этой переключке далеко не самыми частыми строчками. И, конечно, странно осознавать, что мы имеем право называть его «старейшим русским поэтом», ведь Кушнер пишет и сегодня, ведь в текущем году, в «толстых» литературных журналах вышло несколько новых подборок его самых молодых стихов.

Когда-то, на своем поэтическом вечере, когда речь зашла о Борисе Пастернаке, Осип Мандельштам воскликнул: «Пастернака прочитать — горло прочистить, дыхание укрепить...» Перефразируя Осипа Эмильевича, легко скажу: «Прочитать Кушнера — прочистить душу, укрепить сердце».

Догадывается ли он, как многим мы ему обязаны? Думаю, знает. Многим, очень многим. Ведь Александр Кушнер горячо участвовал — никак не думая об этом — в нашем читательском, если угодно, воспитании. Во многом благодаря ему мы продолжаем любить стихи. Настоящие стихи, а не зарифмованные переживания или изощренные языковые эксперименты. Мы продолжаем любить русскую поэзию, не знающую срока годности и возраста. Мы продолжаем любить лирику. Возможно, именно поэтому я и выбрал сегодня из его последней книги «Земное притяжение» — стихи о стихах. Да и что может быть в разговоре о нем драгоценнее?

С днем рождения, дорогой Александр Семенович. Да хранит Вас Господь.

И закончу Вашими же словами, хоть они и совсем по другому поводу: «Какое счастье, благодать...» **Ф.**

Павел Крючков,
заместитель главного редактора журнала «Новый мир»
Рисунок Екатерины Ватель

Кого бы с полки взять? Всех знаю наизусть.
Не Лермонтова же, не Пушкина, не Блока...
Мрачнеет Мандельштам. Обиделся? И пусть.
А может быть, он рад, что потускнел немного,
Как Тютчев или Фет, — и значит, что ничем
Теперь не хуже их и, скажем, Пастернака.
Я сам себе чуть-чуть смешон и надоем
В топтании своем, среди сна и полумрака;
В рассеянье рука потянется опять
К кому-нибудь из них: не к Кузмину ли? — мимо.
Задумаюсь, вздохну: мне нечего читать!
И в Анненском всё так знакомо и любимо!
И я гляжу в окно, и я тянусь к местам,
Укутанным во тьму, с подсветкою по краю:
Ах, может быть, у них за это время там
Написаны стихи, которых я не знаю?

...Не просишь ни о чем,
не должен никому.
М. Ломоносов

Учитель, врач, механик, офицер,
Садовник... Есть с кого нам брать пример
Достоинства, и скромности, и чести.
Не надо обольщений и химер,
А также поклонения и лести.

И слава — дым, не стоит жить в дыму.
Мирская власть ни сердцу, ни уму
Не служит, и в богатстве счастья нету.
Зато и впрямь не должен никому
Кузнечик — как люблю я фразу эту!

Земная жизнь... Среди ее даров
Один из лучших — стройный лад стихов.
Не заносись! Ты скромным занят делом.
И хорошо бы съездить в Петергоф
И побродить по травам запотелым...

Как мы стихами восхищаемся,
 Какой-нибудь строкой поэта!
 Не взять ли слово «пресмыкающееся»
 В стихи, хотя и странно это,
 Зато его ни разу не было
 Ни у кого до нас: впервые
 Оно вползло в стихи, нелепое,
 Поджав конечности кривые.

Малоприятное создание,
 Само себя оно стыдится.
 И суффикс «ющ», и окончание
 Два «е» с возвратною частицей,
 И всё в сохранности и целости,
 Не проявляя беспокойства.
 Как видишь, я набрался смелости!
 Ты тоже, ящерка, не бойся.

Поле в Прибыткове

Поле в Прибыткове было в люпинах
 Синих, — казалось, мы едем вдоль моря,
 Здесь и наяды должны быть в глубинах,
 И Посейдон здесь поселится вскоре,
 И хорошо бы спустить сюда лодку
 С избами рядом, прогулочный катер.
 Пусть живописец возьмет в обработку
 Даль эту, шелк этот, синюю скатерть.

В сущности, дело не в сути, а в цвете,
 Не рассужденье, а преображенье
 Лечит и жить помогает на свете,
 Может быть, это и есть приближенье
 К главному смыслу среди горя и пыток
 наших телесных, душевных, — возможно,
 Это и есть наша прибыль, прибыток,
 Не обобщай, говори осторожно.

Плачет старик у разбитой стены,
 Рваный кирпич, да бетон, да извёстка...
 Лучше быть птицей во время войны:
 Дом ей не нужен, и спать ей не жёстко.

Ей, пережившей взрывную волну,
 Клен простодушные сны навевает.
 А захотела — в другую страну
 Переселилась: деревьев хватает!

Вот показали картинку опять:
 Мальчик бинты поправляет на шее...
 Лучше стихи вообще не писать.
 Каркать, качаясь на ветке, — честнее.

Нет утешенья, оправданья, прощенья ужасам земным,
 Но есть глубокое молчанье, и мы его не предадим,
 Не разменяем на унынье и малодушные слова.
 Есть небосвод над нами синий и благосклонная листва.
 Они ни в чем не виноваты, к ним и на кладбище готов,
 Превозмогая боль утраты, прильнуть. Слова? Не надо слов.
 И пустословье суетливо, и обольщенье ни к чему.
 Стихотворенье молчаливо. Прочти, прислушавшись к нему.

Не в том беда, что мысль, а в том беда, что слово.
 Насколько ж кисть, орган счастливей и резец!
 Стихам не обойтись без языка родного,
 На языке чужом стих жалок, как мертвец,
 А если даже он и дышит, то иначе
 И разевает рот, как рыба на песке.
 Звучание стиха, — оно-то все и значит,
 Смысл гаснет без него, заходитесь в тоске.

Быть может, потому поэту и родная
 Страна дороже всех: его бессмертье — в ней,
 И как бы ни была свободнее чужая,
 Сговорчивей, к морям припавшая, теплей,
 Ему своей страны необходима участь
 Счастливая, никто не озабочен так
 Спасением ее, как он, и верит в случай,
 В стихах своих всю жизнь превозмогая мрак.

